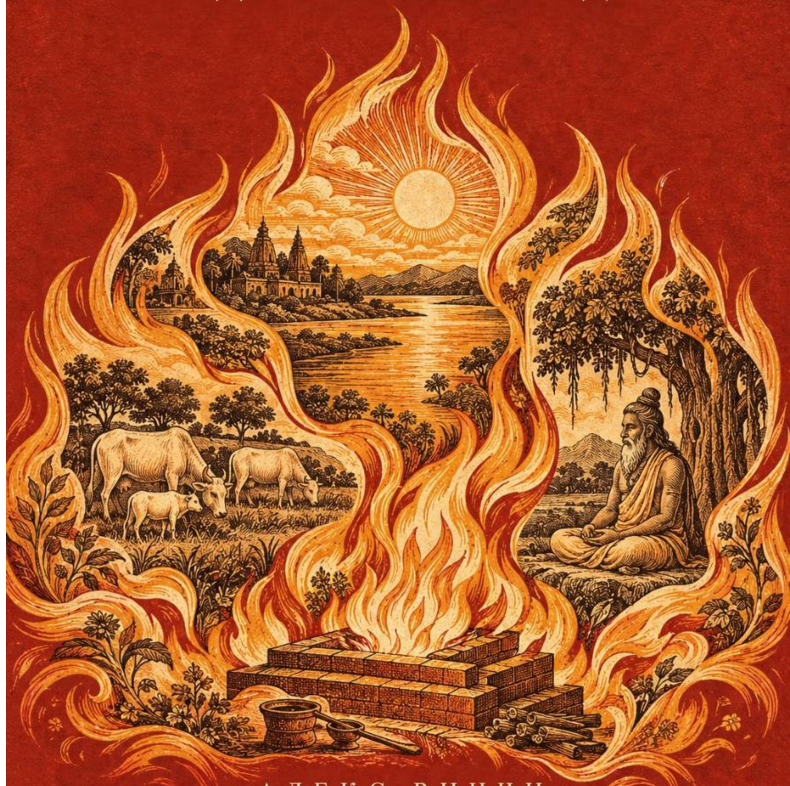

Огонь на заре времён

Веды и Упанишады

АЛЕКСАНДР ВИННИ

Алекс Винчи

Огонь на заре времён.

Веды и Упанишады

<https://litres.ru/74558522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты проверяешь, выключен ли утюг, хотя точно помнишь, что выключил. Стучишь по дереву. Не рассказываешь о хорошем, чтобы не сглазить. Это не глупость: так человек держит свою жизнь в порядке, маленькими жертвами покупает уверенность, что завтра всё будет на месте. А потом умирает кто-то близкий, и становится ясно, что ничем не откупишься. Что тогда остаётся, если ни одна предосторожность не спасла?

Три тысячи лет назад люди в Индии каждое утро лили в огонь молоко и верили, что без этого не взойдёт солнце. Потом они поняли то же, что понимаешь ты у постели умирающего. Но огонь не погасили, а перенесли внутрь себя.

Эта книга о том, что они там нашли. И о мальчике, который три ночи ждал у дверей Смерти, пока она сама не открыла ему, что будет после. Читать можно без всякой подготовки: каждое слово объяснено с нуля.

Содержание

Вступление	5
Дым над реками	6
Голоса, которые держали в голове	7
Жертва, которая держала мир	8
Первый, кто выбрал	9
Трещина в гимне	10
Тишина после огня	11
То, что нельзя испортить	12
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алекс Винчи

Огонь на заре времён.

Веды и Упанишады

Алекс Винчи

Огонь на заре времён

Веды и Упанишады

© Алекс Винчи, 2026. Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть скопирована, сохранена или передана в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения автора. Рецензент может цитировать короткие отрывки.

Книга носит общий ознакомительный характер и не заменяет консультацию врача, психолога или духовного наставника.

Первое издание, 2026.

Вступление

*Три тысячи лет человек кормил огонь каждый рассвет
— пока не понял, что огнём от смерти не откупиться.*

Дым над реками

Они просыпались в темноте. Топлёное масло, молоко, слова хвалы — и дым поднимался туда, где, как они верили, кто-то слушает и отвечает дождём. Он пах маслом и нагретой глиной, шёл вверх ровно, не отклоняясь. Агни, огонь, был первым, кому они говорили. Не потому что он был главным среди тех, кого они знали. Потому что он был ближе всех — здесь, в очаге, между камнями, на расстоянии вытянутой руки.

Вокруг была жизнь, которая ничего не обещала. Реки разливались и не давали пройти. Жрец уговаривал воду пропустить людей и скот. Коровы были всем их богатством, и слово, которым эти люди называли войну, значило «желание коров». Земля под ногами была ещё не пройдена, и карты не существовало. И в этой жизни, между стадом и рекой, рассветом и темнотой, они говорили в огонь — и ждали.

Голоса, которые держали в голове

Эти люди жили на северо-западе, у широких рек, скотоводы среди травы по пояс. Повозки, стада, костры на стоянках, которые снимались и двигались дальше. Ни городов, ни стен, ни письменности.

Веды — это то, что они пели у огня. Гимны богам, просьбы о дожде, плачи над мёртвыми, хвалы рассвету. Их никто не записывал. Тысячи строк держали в голове и передавали голосом, от отца к сыну, слово в слово, столетиями. Ритм и повтор хранили текст точнее, чем мог бы хранить камень.

Упанишады — то, что говорили позже, когда вопросы переросли гимн. Уже не у огня, а под деревьями. Не песня, а разговор: учитель и ученик, вопрос и тишина перед ответом.

Это одни из самых старых слов, которые дошли до нас живыми. Их и сегодня произносят вслух.

Жертва, которая держала мир

Из утренних костров выросло нечто большее — обряд, в котором каждое слово и каждое движение значили. Если что-то сбивалось, мир мог сбиться вместе с ним. Так они верили. Так жили столетиями.

Жертва была не просьбой — она была устройством, на котором держался порядок вещей. Огонь нёс голос к богам, боги возвращали дождь, дождь кормил траву, трава кормила стадо, стадо давало масло, масло шло в огонь. Замокнутый круг. Человек в его центре. Тот, кто крутит колесо. Но колесо не спасало от одного.

Первый, кто выбрал

Яма, первый смертный, не был наказан и не был проклят.
Он посмотрел на то, что есть — и ушёл сам.

Трещина в гимне

В гуще тысячи гимнов кто-то произнёс вопрос, который не вписывался ни в одну молитву.

Сомнение — в священной книге. Не на полях, не в сноске, не шёпотом ученика. В самом тексте, в самом сердце гимна. Оставленное намеренно, как дверь, которую не стали запи-
рать.

За этой дверью начинается другая история.

Тишина после огня

Они уходили по одному. Оставляли костры и садились под деревьями — думать не о том, какое слово произнести над огнём, а о самом человеке.

То, что нельзя испортить

Они искали в человеке то, чего нельзя испортить злом. И нашли: зло доставало всё, кроме одного.

Что именно они нашли, передавалось тихо: от учителя к ученику, при дворах царей и на лесных полянах, на языке таком простом, что он звучит странно.

Глава 1

01. Солнце не взойдёт без молока

Что в твоей жизни держится на том, что ты делаешь каждое утро?

Есть дела, которые ты делаешь каждый день и ни разу не спросил зачем. Перед сном подойти к двери и подёргать ручку, хотя помнишь, что запирал. Оглянуться на плиту, уже стоя в обуви.

Спроси себя, что случится, если однажды не сделать. Ответа не найдётся. А не сделать всё равно нельзя.

Человек, к которому мы сейчас идём, ответ знал точно. Если он не встанет и не сделает своё, солнце не взойдёт. Он делал это дважды в день всю жизнь, до последнего своего утра.

Ещё темно. Небо над деревней не отличить от земли, и только холод подсказывает, где кончается дом и начинается ночь.

Хозяин просыпается первым. Раньше птиц, раньше собак, раньше ветра, который перед зарёй всегда приходит с реки. Минуту он лежит и слушает. Рядом ровно дышит жена. За стеной переступает корова, и солома шуршит под её копытами.

Он встаёт.

Земля под босыми ногами холодная. Он на ощупь находит дверной проём и выходит во двор, где темнота уже другая, влажная, пахнувшая травой и навозом, огромная. Где-то за краем земли лежит солнце. Его не видно. Его ещё нет.

В доме тлеет огонь. Этот огонь не гаснет. Его зажгли в тот день, когда хозяин впервые поставил огни в своём доме, и с тех пор огонь кормят, на ночь укрывают золой, берегут от дождя и ветра.

Хозяин наклоняется и отгребает золу. Под ней темно.

Он разгребает дальше, к самому низу, где должно быть горячо, и находит один уголь величиной с ноготь, серый по краям. Ночью с реки шёл ветер, и дверной проём в доме ничем не закрыт.

Он опускается на локти, лицом почти к земле, и дует. Уголь не отвечает. Он дует ещё, ровно и медленно, потому что торопливое дыхание убивает уголь быстрее ветра. Где-то за спиной восток уже не такой чёрный, как был, и время теперь идёт против него.

Серая кромка сходит. Уголь светлеет, потрескивает, и вот над ним встаёт маленький язык пламени и трогает сухую

щепку.

Свет ложится на его руки. Больше ничего не видно: руки, огонь и темнота вокруг.

Он ставит на угли чашку с молоком своей коровы. Молоко греется медленно. От него поднимается пар, и запах тёплого молока мешается с запахом дыма. Когда молоко начинает пениться у краёв, хозяин зачерпывает его деревянным черпаком на длинной ручке.

Теперь несколько шагов. От домашнего огня к другому огню, к тому, что горит для богов. Он несёт черпак перед собой, как несут что-то живое, что можно расплескать.

Он садится. Поднимает черпак над пламенем. И наклоняет его.

Молоко льётся тонкой струйкой. В темноте она белая, почти светится. Кажется, это уже не молоко, а нить, протянутая от его руки в самый жар. Огонь принимает её с шипением. Пламя приседает, вздрагивает и тут же поднимается выше, чем было.

Хозяин произносит короткие слова, которые говорили его отец и отец его отца:

«Солнце — свет, свет — солнце».

Второй раз он льёт молча: у второго приношения свои слова, и их говорят про себя.

Вот и всё. Несколько глотков молока и несколько слов. А солнца всё нет.

Спроси его, зачем вставать в темноте и холоде, если мо-

локо нужно детям, а сон нужен телу, и не всё ли огню равно, чем гореть. Он бы, пожалуй, не понял вопроса. Для него огонь живой, и у огня есть своё дело.

У этого огня есть имя. Его зовут Агни. С его имени начинается Ригведа, самое древнее собрание гимнов Индии: первое слово первого гимна. Певец зовёт Агни и называет его домашним жрецом, тем, кого ставят впереди, тем, кто созывает богов к жертве. Агни живёт у людей в очаге, ест с их руки, и вместе с тем он знает дорогу к небу. Он посланник. Всё, что отдают ему, он несёт наверх.

Посмотри ещё раз на струйку молока. Она не кончается там, где касается жара. Молоко становится дымом, дым поднимается над крышей, тянется в серое небо и тает в нём. Нить, начатая в руке человека, уходит туда, куда рука не достанет.

Жрецы, которые учили этого человека, шли дальше. В Шатапатха-брахмане, одном из их учений об обряде, сказано прямо: если бы он не принёс эту жертву, солнце бы не взошло.

Так учили жрецы. Это их вера: солнце вставало и над землями, где молока в огонь не лил никто. А человек у огня живёт внутри этой веры, как рыба живёт в реке, и другой реки у него нет.

Попробуй на минуту в это поверить. Каждый рассвет зависит от тебя. Если ты проспишь, если заленишься, если однажды решишь, что ничего не случится, мир останется в

темноте. Весь мир: поля, реки, стада, дети, которые ещё спят.

Проспать ему нельзя.

А небо на востоке тем временем начинает светлеть. Сначала его край становится серым, потом бледным, как разбавленное молоко. Где-то пробует голос первая птица, за ней вторая. И над краем земли показывается тонкая раскалённая полоска.

Хозяин смотрит на неё. Он не кричит и не хлопает в ладоши. Он просто сидит у огня, пока солнце поднимается целиком и ложится на двор, на крышу, на его руки.

Сегодня оно опять взошло.

Ночь была велика, и он был в ней один с почти погасшим углём. А в руке у него была нить, и за другой её конец держалось небо.

Кто держит огонь, тот держит мир и не остаётся в темноте один.

Эта жертва называется агнихотра, приношение огню. Её приносят дважды в день, на заре и на закате, и не год и не два, а всю жизнь. Человек, который однажды зажжёт свои огни, не может в какой-то день просто перестать.

* * *

Вечером он снова садится к огню.

День прошёл. Он пас коров, чинил изгородь, спорил с соседом о воде. Теперь солнце, которое он утром встретил, опускается за край земли, и тени во дворе становятся длинными и синими. Воздух остывает.

Он снова греет молоко. Снова несёт черпак. Снова наклоняет его над пламенем.

«Агни — свет, свет — Агни».

Утром он говорил о солнце, вечером говорит об огне. Солнце уходит, а свет остаётся с людьми, в очаге, у них в доме. Огонь сбережёт его до утра, если его укрыть золой и если ночью не будет слишком сильного ветра.

* * *

Откуда он знает эти слова?

Не из книги. Никакой книги у него нет. Он слышал слова от отца, отец от своего отца, а гимны сложили задолго до его деда. Слова шли из уст в ухо. Учитель говорил, ученик повторял, и так до тех пор, пока голос ученика не становился в точности голосом учителя.

Гимны Вед передавали так три тысячи лет. Записали их много позже, но и тогда главным их домом остался голос. Они живут в голосе и сегодня.

Подумай, какая это тонкая нить. Одно поколение, которое поленилось бы учить, одна семья, которая прервала бы цепочку, и слово ушло бы, как уходит вода в песок.

Нить не рвалась ни разу.

* * *

Теперь другое утро. Другой век.

Юг Индии. Над деревней та же предрассветная темнота, только вдалеке по шоссе проходит грузовик, и его фары на миг выхватывают из мрака пальмы. В соседнем доме горит

лампочка. Кто-то уже собирается на работу.

А в этом доме, в комнате с низким потолком, мужчина в белой ткани, обёрнутой вокруг бёдер, сидит у огня. Рядом его жена. Огонь в этом доме не гасили много лет. Мужчина отгребает золу, раздувает угли, греет молоко. Он поднимает черпак. И наклоняет его.

Та же белая струйка. То же шипение.

И слова те же, что говорили над молоком у реки тридцать веков назад.

В нескольких семьях на юге Индии так делают до сих пор. Их немного. За стенами их домов мир давно живёт по часам, по будильникам и по расписанию автобусов, и солнце там встаёт само, никого не спрашивая.

Струйка молока живёт несколько секунд. Слова, которые над ней говорят, шли сюда три тысячи лет, из уст в ухо, через всех, кто вставал раньше солнца. Обе нити тонкие. И обе каждый раз начинаются заново, в чьей-то руке, в темноте, до первой птицы.

Огонь, который человек однажды поставил в своём доме, остаётся с ним до конца его жизни.

Тело того, чьи это были огни, по правилам обряда сжигают на них же.

Чтобы понять, как он с этим живёт, надо сначала узнать, откуда у людей, что держат солнце чашкой молока, берётся такая смелость.

Глава 2

02. Может быть, и он не знает

Как быть с главным вопросом, на который у тебя нет ответа?

Смелость, с которой человек у очага держит утро чашкой молока, на чём-то ведь стоит. А на чём стоит само утро, там не спрашивали. Некогда. Такой вопрос приходит ночью, когда угли уже присыпаны пеплом и руки наконец свободны.

Человек выходит за последние хижины. Трава под ногами влажная от росы. Где-то внизу, в темноте, идёт река: её не видно, слышно только, как вода трётся о берег и уходит дальше в темноту.

Он останавливается там, где кончается тропа, и поднимает голову.

Над равниной стоит ночь. Такая бывает только там, где на всю округу не горит ни огонька. Звёзды густые, как рассыпанное зерно. Их так много, что между ними тоже будто что-то светится, тусклое и далёкое. А ниже звёзд, у самого края земли, темнота, и где кончается земля и начинается небо, не разобрать. Край мира просто тонет.

Кем он был, мы не знаем, имени его в этой книге не будет. Мы знаем только его ремесло. Среди людей Вед были семьи певцов, где это ремесло переходило по наследству: слова для богов, хвала грозе, заре, огню. Слова, которые пели у жертвенного огня, чтобы боги услышали.

Ремесло это держалось на одном умении: называть. Назови

огонь по имени, и он придёт на своё место в песне. Назови зарю, и она встанет в ней так же, как встаёт над равниной. Всё, что он складывал до этой ночи, начиналось с имени.

А в эту ночь он берётся сказать о том, чего не видел никто.

Гимн, который у него вышел, дошёл до нас. В нём семь стихов, и назвать в них нечего. Он идёт назад, шаг за шагом, и на каждом шагу отнимает у себя то, за что можно было бы удержаться.

Первый шаг. В начале не было ни бытия, ни небытия. Не было воздуха. Не было неба над ним.

Попробуй представить пустоту. Скорее всего, ты увидишь чёрное пространство без конца, без звёзд, без звука. Но это уже что-то. Это место, в него можно было бы что-нибудь поставить. Певец убирает и его.

Ты пробовал это раньше. В детстве ты лежал ночью без сна и смотрел в окно, где был виден кусок неба, и приходила мысль, от которой кружилась голова: а что было до всего? А если ничего, то что такое это ничего? Взрослые говорили: спи. Со временем вопрос ушёл, но ушёл не потому, что нашёлся ответ. Просто стало некогда.

Певец не уснул.

Второй шаг. Не было тогда ни смерти, ни бессмертия. Не было знака, который отделяет ночь от дня. Для людей, которые мерили жизнь рассветами, это картина, в которой нечем жить. Нет утра, к которому надо встать. Нет вечера, когда надо снова покормить огонь. Нет смерти, которой можно бо-

яться, и нет бессмертия, о котором можно просить.

Третий шаг. Тьма была скрыта тьмой.

Скажи это про себя медленно, два раза. Темнота, спрятанная в темноте. Как если бы ты вошёл ночью в дом без окон, закрыл за собой дверь и закрыл глаза: темнота снаружи, темнота под веками и ещё одна, за ними. Всё это, говорит гимн, было водой без примет. Ни берега. Ни волны. Ни дна.

Дальше отнимать нечего. И вот в этой воде что-то шевельнулось.

Четвёртый шаг. Первым, говорит певец, пришло желание. Оно стало первым семенем мысли.

У мира в начале ни удара, ни приказа, ни громкого слова. Ему просто чего-то захотелось. Вспомни утро, когда просыпаешься и ещё не знаешь, где ты и какой сегодня день. Мыслей нет. Но что-то в тебе уже тянется: к свету из окна, к теплу, к воде. Сначала тяга, потом мысль.

Пятый шаг. Мудрецы искали связь бытия с небытием и нашли её. В собственном сердце, размышляя.

Подумай, куда ещё им было смотреть. Начала никто не видел, свидетелей нет, спросить некого. Остаётся одно место, куда можно заглянуть, и люди, которые у огня обращались к небу, здесь оборачиваются к себе.

Шестой шаг, самый короткий. Боги появились позже. Уже после того, как этот мир был сотворён.

Вслушайся, кто это говорит. Человек, чьё ремесло звать богов к огню и хвалить их по именам. Он только что отнял

у себя последних, у кого мог бы спросить.

Так ребёнок спрашивает бабушку, каким он был, когда родился, и она рассказывает, потому что была рядом. А спроси её, что было до того, как родилась она, и она пожмёт плечами. Не потому, что забыла. Её тогда не было.

Кто же тогда знает?

Седьмой шаг, последний стих. Откуда пришло это творение, создало ли оно себя само или нет, знает тот, кто смотрит на мир с высшего неба. Только он и знает.

Здесь гимн мог бы кончиться, и всё было бы на месте. Есть кто-то наверху, самый высокий и самый старший, и он знает. Можно выдохнуть и идти спать.

Певец добавляет ещё несколько слов. Или, может быть, и он не знает.

И на этом гимн кончается.

* * *

Дальше у этой песни началась жизнь, в которой сам певец уже ничего не решал.

Письма у этих людей не было. Гимны жили во рту: отец учил сына, учитель ученика, слог за слогом, с тем же ударением и тем же дыханием. Целые семьи держали в памяти сотни песен и передавали их дальше, век за веком.

Значит, последнюю строку кто-то произносил заново каждый раз.

И каждый раз её можно было не произнести. Остановиться на предыдущей: тот, кто смотрит с высшего неба, знает.

Прочно, ясно, и хвалебная песня кончается тем, чем ей положено кончаться. А если голое место в конце всё-таки мешало, дописать туда короткую строчку с ответом было и вовсе не трудно: складывать строки они умели, это было их ремесло.

Сомнение передавали так же бережно, как хвалу.

Певец, дойдя до края, не поставил в эту дыру ни одного имени, хотя имена были его работой. И тысячи голосов после него, которые знали дыру наизусть, тоже ничего туда не поставили.

Сомнение осталось в священной книге не потому, что его не заметили. Его пели.

Можно кормить огонь каждое утро и честно не знать, на чём держится мир.

А в том же собрании, рядом с этим гимном, лежит больше тысячи песен, которые зовут богов по именам и просят у них дождя, стад, сыновей, долгой жизни, победы. Тех самых богов, которые, если верить этому гимну, пришли в мир уже готовым.

Понять это с неба уже не получится: надо спуститься к самим певцам и узнать, кем они были и от чего зависела их жизнь на земле.

Глава 3

03. Реки, которые склонились

Что у тебя есть, когда перед тобой вода, а за спиной всё,

что ты любишь?

Голоса мы уже слышали: хвалу огню на заре и вопрос, заданный ночному небу. А людей не видели ни разу: ни лица, ни дома, ни того добра, которое можно потерять за одно утро.

Первым к воде выходит стадо.

Коровы идут медленно, опустив головы. Утро сырое, после долгих дождей, и над спинами висит пар от их дыхания. Передние доходят до края берега и встают. Одна вытягивает шею, трогает воду губами и пятится. За ней пятятся другие. Сзади подходят новые, мычат, толкают передних боками, и скоро вдоль всего берега стоит живая стена: рыжие спины, пёстрые, белые, рога, хвосты, телята, прижатые к бокам матерей.

Дальше идти некуда.

Внизу бегут две реки. Они спустились с гор и здесь, на равнине, сходятся в одну. Вода бурая, густая от глины. Она несёт ветки, клочья травы, куст, вырванный вместе с корнем. Шум стоит ровный и тяжёлый. Другой берег виден. До него почти можно докинуть камень. Но между ним и стадом идёт вода, у которой сейчас нет дна.

Следом подходят люди. Скрипят повозки, колёса вязнут в грязи. Быки тянут, наклонив лбы. На повозках кожаные мешки, шкуры, котлы, дети. За повозками идут мужчины с палками и луками, женщины с поклажей, старики. Мальчик подбегает к самой воде, и мать берёт его за руку и молча

отводит назад.

Это племя бхаратов. Весь их дом идёт вместе с ними, на колёсах и на копытах.

Корова у них была всем. Её молоко пили дети, её молоко на заре уходило в огонь. Её шкура становилась мешком и обувью, её сухой навоз горел в очаге, когда не было дров. Быки тащили повозки. Коровами платили певцу за гимн, коровами считали, богат человек или беден. Спроси у такого человека, сколько у него добра, и он начнёт считать головы в стаде.

Стадо можно было угнать за одну ночь, поэтому мужчины спали рядом с ним, с луками под рукой. Набег соседей уносил не поле и не город, городов у них не было. Он уносил жизнь, которая ходит на четырёх ногах.

Эти люди не сидели на месте. Их земля лежала между рек, и в гимнах её так и зовут: земля семи рек. Они шли туда, где есть трава и вода. Трава кончалась, и они шли дальше. Реки кормили их и поили стада, а после дождей поднимались и вставали поперёк дороги.

Моста нет. Для людей, может быть, найдутся лодки. Но нет лодки для тысячи коров. Ждать, пока вода спадёт, можно долго, а за спиной трава, которую стадо уже съело. Всё, что у бхаратов есть, стоит у кромки бурой воды. Если стадо войдёт в неё и вода окажется сильнее, от племени останется одно имя.

И тогда к воде спускается их жрец.

Его зовут Вишвамित्रа, сын Кушики. Люди расступаются, давая ему дорогу. В руках у него нет ни топора, ни верёвки. Он не рубит деревья на плот. Он подходит туда, где вода лижет глину, встаёт на краю и начинает говорить.

Он говорит не с людьми. Он говорит с реками.

Их звали Випаш и Шутудри. В гимне он зовёт их сёстрами и матерями: одну самой материнской из рек, другую широкой и доброй. Они несутся с гор, говорит он, как две кобылицы, которых отпустили на волю, как две светлые коровы, которые лижут своих телят. Человек стоит перед водой, способной унести повозку вместе с быками, и видит в ней то, что знает лучше всего: корову, склонившуюся над телёнком.

И просит:

— Остановитесь ненадолго. Послушайте мои слова.

Реки отвечают. В гимне у них есть голос, и голос этот гордый.

— Нас прокопал Индра. Он убил того, кто держал воды взаперти, и выпустил нас. Мы идём туда, куда он нас направил. Если нас пустили, нас уже не остановить. Чего хочет от рек этот певец?

Это отказ, и отказ честный. Индра у этих людей бог грозы, тот, кто разбивает тучу, как камень, и выпускает запертые в ней дожди. Реки говорят правду: они текут не по своей воле. Им дали русло, и они бегут по нему к морю. Остановиться не в их власти. Просить их об этом можно сколько угодно, и просишь ты о том, чего у них нет.

И всё же реки не отворачиваются. Они просят певца о своём:

— Не забудь этих слов, певец. Их услышат те, кто придёт после тебя.

Жрец не спорит с Индрой. Он не кричит на воду и не грозит ей. Он меняет просьбу.

Наверное, ты знаешь такой разговор. Просишь и просишь, а у человека напротив этого просто нет, и всё стоит на месте, пока ты не разглядишь, что у него есть.

— Послушайте певца, сёстры. Я пришёл к вам издалека, с повозками и колесницами. Склонитесь. Станьте такими, чтобы вас можно было перейти. Пусть вода будет ниже осей.

Он больше не просит воду перестать быть водой. Он просит её стать ниже на один переход.

И реки соглашаются.

— Мы послушаем тебя. Мы склонимся к тебе, как мать склоняется к ребёнку, чтобы дать ему грудь.

Посмотри на это внимательно, потому что в этом весь гимн. Когда мать склоняется к ребёнку, она остаётся собой. Она только наклоняется: опускает плечи, спину, лицо, пока то, что у неё есть, не окажется там, где его может взять тот, кто слабее.

Так и река. Она по-прежнему бежит к морю, по-прежнему в своём русле, и воля Индры остаётся на месте. **Река только опускает спину.** На одно утро, на один переход.

Там, где не было моста, мостом было слово.

Такое слово у них называлось брахман. Сегодня в нём слышат прежде всего имя жреческого сословия. А сначала это было слово, в котором есть сила: формула, которая действует, речь, которой уговаривают реки, зовут дождь, будят огонь. Тот, кто умел её сложить и произнести, и был брахманом.

И стадо входит в воду.

Первыми идут быки с повозками. Вода доходит им до брюха, бьётся о колёса и проходит под осями, как просил жрец. Потом идут коровы. Они ступают осторожно, вытягивая шеи, и вода расходится у их груди. Телята жмутся к матерям. Мужчины идут по краям стада с палками, кричат, не дают коровам сбиться в сторону. Мальчика, которого утром отвели от воды, мать несёт на руках, и вода доходит ей до бёдер и уходит мимо.

Шум реки всё тот же. Но она пропускает.

Последняя корова выходит на дальний берег. Отряхивается, брызги летят с её боков. Встаёт среди остальных и тянется губами к траве.

Жрец снова обращается к рекам. Теперь он их отпускает: — Бхараты перешли. Теперь поднимайтесь. Наполняйте свои русла. Бегите дальше.

Опустилась ли вода в то утро на самом деле, мы не знаем. Паводки после дождей спадают так же быстро, как поднимаются. Может быть, жрец знал реку и дождался своего часа. Может быть, было иначе. Гимн не объясняет, он рассказы-

вает, как это было для тех, кто стоял на берегу. Реки выслушали и склонились.

* * *

Вечером на новом берегу горит огонь.

Повозки стоят кругом, стадо лежит на траве. Кто-то садится доить, и молоко коров, которые утром пятились от воды, льётся в огонь. Мальчик спит на шкуре, подвернув под себя руку. Река за спиной поднялась и бежит, как бежала.

Жрец просил у воды одно: склониться на одно утро. Вода склонилась. Реки просили о своём: чтобы их слова не забыли, чтобы их слышали те, кто придёт после. Их не забыли. Этот разговор слышно и сейчас, три тысячи лет спустя. Те, кто пришёл после, это мы.

А самих перешедших гимн зовёт так: ищущие коров. Тем же желанием, теми же словами у этих людей названа война. **Ночной набег на чужое стадо и утренняя просьба к реке звались у них одинаково.**

Как одни и те же слова держали и набег, и просьбу, не понять, пока не узнаешь, кто следил, чтобы договор с миром соблюдался, и что чувствует человек, который его нарушил.

Глава 4

04. Чем я провинился, Варуна?

За что можно быть виноватым, если не нарушил ни одного правила?

Страж у этого договора был, и звали его Варуна. А чело-

век, который первым в Ведах заговорил о своей вине перед ним, не смог сказать, в чём она.

Этот человек вышел из дому рано и весь день ходил от порога к порогу.

Первый мудрец выслушал его и ответил. Второй выслушал до конца, помолчал и ответил то же. Третий сказал теми же словами.

Голоса были разные. Один старый, с хрипотцой. Другой тихий, каким говорят у постели больного. А слова одни:

«Варуна на тебя гневается».

Тот, кто ходит с таким вопросом по чужим порогам, не простой пастух. Его зовут Васиштха. Из всех певцов Ригведы его чтят больше других, и целый круг её гимнов носит имя его рода. К нему самому приходят за словом. У его огня садятся те, кто не знает, как быть.

А теперь он не знает сам.

В гимне он говорит об этом вполголоса, будто с собой:

«Когда же я снова буду с Варуной? Примет ли он мой дар без гнева?»

Так говорят, когда порвалась нить, прежде державшая легко и незаметно. Рука ещё помнит натяжение, а держать уже нечего.

И он спрашивает дальше:

«Я спрашиваю об этом грехе, Варуна, я хочу понять. Я иду к знающим спросить».

Он знает, что виноват. Он не знает, в чём.

Будь у него закон, выбитый на камне, он перечёл бы его и нашёл свою строку. Камня нет. Нет и строки, на которую можно показать пальцем и сказать: вот здесь.

Значит, искать придётся в себе.

* * *

Вечером он садится у своего огня и начинает сверху.

«Какой был мой главный грех, Варуна, что ты хочешь погубить певца, своего друга? Скажи мне».

Своего друга. Он не зовёт себя рабом, который провинился перед хозяином. Он друг, которому вдруг перестали отвечать.

И он перебирает свои поступки, один за другим, как перебирают бусины в темноте, на ощупь. Что сказал. Что сделал. Где мог оступиться. Бусины идут сквозь пальцы, гладкие, одинаковые. Ни одна не отзывается.

Тогда он спускается ниже. Может быть, дело не в нём самом. Может быть, это пришло к нему по наследству, как приходит поле или долг:

«Освободи нас от того, что сделали наши отцы. И от того, что сделали мы сами, своим телом».

Ни одна из этих бусин тоже не отзывается, и он спускается ещё.

Бывает, что человек делает дурное, не желая его. Васиштва перечисляет, когда это бывает:

«Это была не моя воля, Варуна. Это было вино, гнев, игральные кости, беспечность».

Вино. Гнев. Кости. Беспечность. Всё это минуты, когда человек не вполне он сам, и за каждую из них он мог бы отвечать, если бы вспомнил её.

А потом он добавляет последнее, самое тихое: и сон не хранит от дурного.

Вот дно этого спуска. Пока ты не спишь, за собой ещё можно смотреть. **Если сбиться с пути можно во сне, то в человеке нет угла, из которого он видел бы себя целиком.**

Узнать это можно и без всякого Варуны. Кто-то близкий вдруг стал отвечать тише. Короче. Смотрит чуть в сторону. Ты перебираешь последние дни, свои слова, свои поступки, и не находишь ничего. Спрашиваешь у тех, кто рядом, и они говорят одно: он на тебя обижен. А за что, не знает никто.

* * *

Ночью в земле семи рек слышнее всего вода.

Днём её заглушают голоса, мычание стада, скрип колёс. Ночью остаётся только она. Она шумит в темноте ровно и близко, со всех сторон сразу.

С чего можно сбиться, если закона на камне нет? Чтобы понять это, надо увидеть, кто такой Варуна.

Васиштха поёт о нём так. Варуна прорезал пути для солнца. Он выпустил потоки рек, и они бегут к морю. Ветер, который шумит в травах, это его дыхание. Его лазутчики смотрят на небо и на землю, и от их глаз ничего не скрыто.

Варуна не похож на Индру, который разбивает тучу и бро-

саётся в бой. Он ничего не рушит. Он держит. Он следит, чтобы всё шло так, как должно идти.

У людей Вед было для этого слово. Рита.

Рита значит порядок, по которому живёт мир. Солнце встаёт с той же стороны, с какой встало вчера. Реки текут по своим руслам, вниз, а не вверх. За ночью приходит день, за сухой порой дожди. Этот порядок никто не записывал. Его не нужно было записывать. Его видели каждый день, стоило открыть глаза.

Представь себе большую реку, в которой плывёт всё, что есть. Солнце, звёзды, травы, стада, люди. Течение несёт их, и пока ты в нём, тебе легко. Ты даже не замечаешь, что тебя несёт.

А теперь представь лист, который отбило к берегу. Он кружит в заводи, у самой кромки. Вокруг та же вода, та же река. Но течение идёт мимо.

Без заповедей вина была страхом выпасть из порядка, по которому встаёт солнце.

Поэтому вина и может быть нечаянной. Река не спрашивает, нарочно ли упал в неё камень. Поэтому она может быть и чужой: если отцы замутили воду, муть дойдёт и до сына. Вина здесь похожа не на поступок, а на место, где человек оказался. Сбоку от течения.

И поэтому молоко, которое на заре уходит в пламя, для этих людей часть того же порядка, что и солнце, встающее следом. Человек своими руками делает свою долю. Он льёт

молоко, говорит слова, и этим остаётся в течении, вместе с солнцем и реками.

Страшнее всего для него было бы вот что: он льёт и говорит, как прежде, а огонь уносит его дар в пустоту.

* * *

В одном из своих гимнов Васиштха видит их с Варуной вместе. Вот они всходят на лодку. Выводят её на середину моря и качаются на волнах, будто на качелях, просто так, для красоты. А рядом то, что уже было: Варуна посадил его в лодку. Варуна сделал его провидцем.

И сразу за этим:

«Где же та наша дружба, прежняя?»

Здесь он перестаёт искать свой проступок. Он спрашивает уже не о грехе.

«Не дай мне ещё уйти в дом из глины, царь Варуна. Помилуй, добрый властитель, помилуй».

Дом из глины значит могила. Земляная яма, куда кладут умершего. Самый чтимый певец своего народа просит о простом: ещё не туда. Ещё немного.

«Я иду, дрожа, как мех, надутый ветром».

А последние слова его гимнов уже не про него одного. Они про всех людей:

«Какую бы вину мы, люди, ни совершили перед небесными, где бы по беспечности ни нарушили твоих установлений, не губи нас за этот грех, Варуна».

Так в Ведах впервые звучит исповедь. Человек стоит пе-

ред своим богом и говорит о своей вине. Он не знает её имени, не может показать пальцем на свой проступок. Он просит не суда. Он просит милости.

И тут же, рядом с этой просьбой, стоит строка, которую трудно забыть:

«Жажда настигла певца, хоть он стоит посреди вод».

Вокруг него реки. Ночь полна их шумом. А он хочет пить. **Как будто между ним и водой встала тонкая стенка, и он видит воду, слышит её, а напиться не может.**

Утром он обошёл трёх знающих людей, и все трое знали ответ. Вечером он перебрал свои дни, дни своих отцов и свой сон. Ночью вокруг него шумели реки. Всё было рядом и всего было много: люди, которые знают, порядок, который видно с первого взгляда, вода на все стороны. И ни одна капля до него не дошла.

Варуна, у которого он просил, недолго держался на этом месте. В текстах, которые пришли за Ригведой, он бог воды: его дело реки и море. О страже, от чьих лазутчиков не укрыться, там почти не говорят.

А что значит выпасть из этого порядка, по нечаянной вине до конца не понять: это видно на человеке, который вышел из порядка своей волей и не может остановиться.

Глава 5

05. Игрок

Есть ли место твоей слабости в том, что ты о себе рас-

сказываешь?

Васиштхе никто не сумел назвать его вину, и он до конца просил милости, не понимая, за что. Есть в тех же гимнах человек, которому не нужны ни бог, ни трое знающих: он сам, с первой строки, говорит, в какой час и от какого звука у него всё ломается.

Орех лежит на ладони, бурый и гладкий. Он почти ничего не весит. Закрой глаза, и его можно не почувствовать.

Он вырос на высоком дереве вибхидака, там, где всегда ветер. Ветер качал ветви, и орехи на них постукивали друг о друга. Потом их собрали, высушили, и они стали игральными костями.

Их бросают горстью на доску в доме собраний. Орехи катятся, подпрыгивают, замирают. Кто-то наклоняется считать. Кто-то выдыхает сквозь зубы. А сухой негромкий стук, похожий на первые капли дождя по крыше, слышен далеко за стенами.

Среди гимнов Ригведы есть один, где об этих орехах говорит сам человек, от своего имени. Он не обращается к богу. Он начинает почти с нежности:

«Бурые орехи с высокого дерева, рождённые на ветру, катятся по доске, и мне весело».

Так говорят о первой встрече, пока всё ещё легко.

А потом он даёт себе слово:

«Я не буду больше с ними играть».

Слово это дано дома. Друзья вечером уходят в дом собра-

ний без него, он остаётся, и вечер тянется. И тогда издалека приходит звук. Брошенные буры подают голос, и он встаёт.

«Я иду к ним, как женщина идёт к любовнику».

Он не говорит, что его заманили. Не говорит, что так вышло. Он называет это прямо: так идут на тайное свидание, зная, что нельзя, и всё равно идут, быстрее, чем успеваешь себя остановить. И уходит он так, что дома не знают куда. Мать потом горюет о сыне, который бродит неведомо где.

Утро, и ты даёшь себе слово твёрдо, без оговорок. Вечер, и где-то рядом раздаётся звук, тихий, сам по себе почти ничего не значащий, а ноги уже несут.

* * *

В доме собраний он садится к доске не веселиться. Он садится вернуть.

«Выиграю ли я?»

Орехи падают не так, как он хотел. Удачный бросок достаётся другому. Он бросает снова, и снова выходит другому. И тут в гимне звучит то, что человек узнал о костях за все свои вечера. Они крючья. Они стрекала. Они сперва дарят, как дарят дети, а потом отнимают и бьют. Они намазаны мёдом.

У костей есть и свой закон. Их стая играет, говорит он, как бог Савитар, чьи установления истинны. Они не склоняются перед гневом сильного. Сам царь кланяется им. Порядок, по которому они падают, выглядит как настоящий, и человек за доской в него верит: если у падения есть закон, значит, его можно угадать и однажды угадать верно.

«Они катятся вниз, они прыгают вверх. У них нет рук, а они правят тем, у кого руки есть. Небесные угли, брошенные на доску. Сами холодные, они жгут сердце».

Уголь, который жжёт, знает каждый, кто сидел у костра. Он красный, от него идёт жар, руку к нему не поднесёшь. А этот уголь холодный. Возьми его, и пальцы ничего не почувствуют. Лёгкий бурый орех с высокого дерева. И всё же сердце под ним горит.

Он думает, что бросает кости, а на самом деле бросают его.

* * *

Один бросок в такой вечер падает не той стороной, и дома после него бывает вот что.

«Она ни разу со мной не спорила и не сердилась. Она была добра ко мне и к моим друзьям. Из-за одного неудачного броска я прогнал преданную жену».

Он перечисляет её доброту раньше, чем свою вину. Не спорила. Не сердилась. Встречала его друзей. И одна кость, упавшая не той стороной, перевесила всё это.

Представь этот дом прежде. Утром огонь в очаге и жена рядом. У двора мычат коровы, которых пора доить. Всё стоит на своих местах, и никто этого не замечает, как не замечают, что пол держит.

Теперь дом после. Жена брошена и горюет. Мать горюет о сыне. Его жену ласкают другие. Тёща его ненавидит, и сам он говорит о себе, что проку от игрока не больше, чем от

старой лошади на продажу.

Холодный уголь упал на доску в доме собраний, а остыл от него дом, в котором горел настоящий огонь.

Ночью он выходит. Он в долгах, ему страшно, и он идёт в темноте к чужим домам. Так говорит гимн и больше ничего не добавляет: просит ли он там в долг или берёт тайком, мы не знаем. Зато мы знаем, что он видит. Чужую жену. Чужой дом, где всё прибрано и всё на месте.

А у себя его уже не ждут. Отец, мать и братья говорят о нём, как о незнакомом:

«Мы его не знаем. Свяжите его и уведите».

Здесь стоит остановиться. Эти слова держали наизусть и передавали голосом дальше, рядом с теми, что поют Агни и Варуне. Что делает среди гимнов богам исповедь проигравшегося человека, которого не хотят знать даже братья?

В большом мире ничего не сдвинулось. То же солнце, те же реки, то же стадо у двора. Сломалось малое: жена, мать, поле, утро у своего огня.

Порядок мира держится у огня одного дома, и там же он рушится.

Те, кто собирал гимны, слышали в этом голосе ту же правду о мире, что и в песнях богам. Слабого человека не спрятали и не вычеркнули, как не вычеркнули и сомнение поэта, который не знал, откуда мир.

* * *

«Утром он запряг бурых коней, а вечером упал у огня,

жалкий».

Бурые кони здесь те же орехи. Утром он сам запряг их, гордо, как возничий. А к ночи лежит у живого огня, и ему не встать.

Тот, кто упал у огня, ещё не кончился. Он поднимается и снова говорит с костями, с их вожаком, только теперь не о броске. Он поднимает руки, как перед тем, кто сильнее:

«Я протягиваю к вам десять пальцев. Я ничего не утаиваю. Я говорю правду».

Десять пальцев, раскрытых и пустых: ни орехов, ни оправданий.

И тогда он слышит совет.

«Не играй в кости. Паши своё поле. Радуйся тому, что у тебя есть, и считай, что этого много. Там твои коровы, игрок, там твоя жена. Так мне указал благородный Савитар».

Савитар поднимает всё живое на рассвете и укладывает на покой вечером. Кости не склонялись перед гневом сильного, сам царь кланялся им, и падали они, как Савитар, чьи установления истинны. Теперь говорит сам Савитар, и ни одна кость в его совете не падает. Поле. Плуг. Коровы за полем. Жена, которую он выгнал.

А гимн на этом не кончается. Последний его стих обращён не к полю и не к Савитару, а опять к костям: сдружитесь со мной, будьте милостивы, уймите свой гнев.

«Пусть в сети бурых попадётся кто-нибудь другой».

Почему последнее слово досталось костям, а не полю, ста-

нет ясно только тому, кто узнает, от чего человек Вед хмелел открыто, на глазах у всего дома.

Глава 6

06. Апала жуёт сому

Чего человек ждёт от глотка, который обещает сделать его другим?

Игрок пьянел от стука игральных орехов и прятал это от матери и от жены. Было и другое опьянение, которого не прятал никто: его искали в горах и несли к огню.

Утро только началось, а трава у дороги уже тёплая. Дорога сбегает от селения вниз, к воде, и по ней спускается девушка. Солнце греет всё сильнее, а она держит край ткани натянутым на плечи и не отпускает его.

Её зовут Апала. Кожа у неё больна.

Один из гимнов Ригведы говорит её словами. Женщин, которым приписаны эти песни, немного, и она одна из них. Начинается он прямо здесь:

«Девушка спускалась к воде и нашла сому у дороги».

Сому приносят с гор, её выжимают жрецы у большого огня. А этот стебель лежит в пыли у дороги, по которой ходят за водой. Апала наклоняется и поднимает его.

Чтобы выжать сому, нужны давящие камни. Нужна чаша, нужен огонь, нужен тот, кто знает слова. У неё ничего этого нет. Есть только зубы.

Она кладёт стебель в рот и жуёт. Сок течёт по языку. И

она зовёт бога, как зовут соседа с улицы:

«Ты, что ходишь, заглядывая в каждый дом, выпей эту сому, выжатую зубами».

Она зовёт Индру, того, кто любит сому больше всех богов. И тут же просит сам сок не торопиться:

«Теки для Индры медленно, капля, потихоньку, медленно».

Индра приходит. И тогда она просит.

«Дай прорасти трём местам, Индра: голове моего отца, его полю и этому, на моём теле».

Волосы на голове отца. Урожай на его поле. Здоровая кожа ей самой.

Ни одна просьба не про небо. Ни одна не про вечность. Отец, поле, кожа.

* * *

Почему он пришёл к ней, а не к тем, кто звал его у большого огня?

Гимны давно помнили наизусть, и появились люди, которые их объясняли: кто сложил, о чём, почему. Об Апале рассказывает один из таких пересказов, Брихаддевата. По этому рассказу, у Апалы был муж, и из-за болезни он её оставил, и она вернулась в дом отца. А Индра услышал хруст её зубов и принял его за стук давящих камней.

В самом гимне этого нет. Это добавили те, кто пересказывал.

А придумали они вот что. Стук давящих камней был

звуком большого обряда. Его слышали там, где горят огни, где работают жрецы и каждое слово на счету. Бог знал этот звук и всегда на него приходил. На этот раз знакомый звук привёл его в незнакомое место: брошенная женщина у воды, стебель, подобранный в пыли, и её зубы вместо камней.

В этом рассказе бог пришёл туда, где не было ни жреца, ни огня, ни камней, только человек, которому очень нужно.

* * *

Слово «сома» значило три вещи сразу. Растение, которое растёт в горах. Сок, который из него выжимают. И бог.

Стебли замачивали в воде и били камнями. Камни стучали мерно и долго, и в этом стуке поэты слышали голос. Сок цедили через шерсть, и он бежал в чаши светлой струйкой, и его смешивали с молоком. Гимны целого круга Ригведы, девятого из десяти, поют одной соме, пока она течёт сквозь шерсть. В этом бегущем ручье они видели бога, который спешит к людям.

В другом гимне поэты рассказывают, что с ними было после чаши:

«Мы выпили сому, мы стали бессмертными, мы пришли к свету, мы нашли богов».

И чуть дальше они говорят с сомой, как с тем, кто вошёл в них и остался:

«Ты, сома, хранитель нашего тела, поселился в каждой его части».

Ты знаешь это в малом. Долгий жаркий день, и глоток холодной воды. Он идёт вниз, и ты чувствуешь его в груди, в руках, до самых пальцев. На миг тело становится целым и собранным. И кажется, что так теперь будет всегда.

Поставь рядом два голоса. Девушка у воды просит кожу, поле и волосы отца. Поэты у огня говорят, что стали бессмертными. Нам это кажется двумя разными просьбами, малой и великой.

От сомы ждали, чтобы жизни стало больше: в коже, в поле, в теле, и так много, чтобы она уже не кончалась.

Здоровая кожа и бессмертие лежали для них на одной дороге. И пройти её можно было одним глотком.

* * *

Прошло несколько веков. Большие жертвы с сомой приносили по-прежнему, только в наставлениях брахманов, толкователей обряда, появились новые правила. Если сомы нет, выжать вместо неё другое растение. Если нет и его, то третье. Замены названы по именам. Сказано, как их давить, куда лить сок, какие слова говорить над ними.

А как выглядит настоящая сома, не сказано ни разу.

Ни листа, ни цвета, ни места, где её искать. Люди, которые берегли гимны слово в слово, не сберегли самого растения. До сих пор учёные спорят, что это было.

А гимны продолжали петь. «Мы выпили сому, мы стали бессмертными» звучало у огня так же, как прежде. Только чашу наполняли другим соком.

* * *

Последний стих гимна Апалы обращён к Индре:

«Трижды очистив Апалу, Индра, ты сделал её кожу подобной солнцу».

Она поднимается от воды к селению. Солнце стоит высоко над травой. Край ткани лежит на плечах свободно, и она его больше не держит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.